

Л. В. ЯРОШЕНКО-ТИТОВА

**«Повесть об увозе Соломоновой жены»
в русской рукописной традиции XVII—XVIII вв.**

(Характеристика редакций)

Старинной русской письменности известно большое количество апокрифических сказаний о царе Соломоне: это легенды, рассказывающие о мудрости Соломона и его судах, сказания о Соломоне и Китоврасе, несколько редакций повести о рождении и похождениях царя Соломона, различные варианты повести об увозе Соломоновой жены.

Сказания Соломонова цикла — своеобразная «народная книга» русского средневековья, история сложения которой и последующая литературная судьба необычайно важны для понимания основных процессов развития оригинальной русской беллетристики. Однако до сих пор нет специальных исследований, посвященных истории текста и цикла в целом и отдельных его частей, нет работ, которые устанавливали бы взаимоотношения различных вариантов сказаний.

Начало изучения повестей Соломонова цикла связано с именами А. Н. Пыпина, А. Н. Веселовского и М. Н. Сперанского.

А. Н. Пыпин в основном интересовался вопросом о первоисточнике сказаний. Сопоставляя немецкие сказания о Соломоне и Морольфе с русскими сказаниями о Соломоне и Китоврасе, А. Н. Пыпин высказал предположение о существовании общего византийского (?) источника.¹ Основной задачей исследования А. Н. Веселовского было выяснение «международной судьбы» Соломонова сказания, главных этапов в истории развития легенды, выяснение путей распространения странствующих сказаний и определение их первоисточника.² Кроме того, А. Н. Веселовский посвятил специальную работу вопросу о взаимосвязях европейских сказаний об увозе Соломоновой жены.³ Эта же повесть была предметом наблюдений М. Н. Сперанского, классифицировавшего разные варианты ее при рассмотрении южнославянских списков.⁴

После работ этих исследователей «Соломонова сага» надолго ушла из

¹ А. Н. Пыпин. Старинные сказки о царе Соломоне. — Исторические чтения о языке и словесности. СПб., 1855, стр. 262—284.

² А. Н. Веселовский. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872 (далее — Веселовский. Славянские сказания).

³ А. Н. Веселовский. Новые данные к истории Соломоновских сказаний. Приложение к тому 40 Записок имп. Академии наук. СПб., 1881 (далее — Веселовский. Новые данные).

⁴ М. Н. Сперанский. Заметки о рукописях Белградских и Софийской библиотек. — Известия Историко-филологического института в Нежине, т. XVI, 1898, стр. 61.

поля зрения историков литературы. К настоящему моменту существуют лишь единичные заметки, посвященные сказкам или фольклорным обработкам повестей о царе Соломоне,⁵ и беглые упоминания сказаний в общих обзорах переводной беллетристики⁶ и в специальных исследованиях на другие темы.⁷ Чуть больше повезло древнейшему апокрифу о Соломоне и Китоврасе: найден и опубликован новый вариант легенды в записи XV в.⁸

А. Н. Веселовский первый поставил вопрос о необходимости изучения всех русских текстов повестей о Соломоне. «Полезно было бы, — писал он, — разобраться в дошедших до нас, преимущественно славяно-русских, списках, свести их к нескольким группам и затем определить их ближайшие типы. Эти типы дали бы, быть может, материал для построения генеалогического древа, в корне которого мы нашли бы искомую византийскую повесть».⁹ Однако до сих пор эта работа не сделана. Незавершенность вопроса об истории текста повестей о Соломоне в русской рукописной традиции отмечал и советский исследователь С. Ф. Елеонский.¹⁰

Основная задача предлагаемой статьи — кратко охарактеризовать одну часть Соломонова цикла — повести, рассказывающие об увозе Соломоновой жены, и рассмотреть их взаимоотношения. Тексты повестей сохранились в большом количестве русских списков XVII—XVIII вв. и нескольких южнославянских списках более раннего времени (известен один список XIV—начала XV в. и два списка XVI в.). Ряд списков привлекается к исследованию впервые.

Как уже отмечалось выше, А. Н. Веселовского интересовали вопросы о времени распространения этого сказания в Европе и о его древнейшем содержании. Рассматривая повести об увозе Соломоновой жены, А. Н. Веселовский выделял три их редакции:

- 1) неполную (с похитителем Соломоновой жены царем Китоврасом);¹¹
- 2) полную (с похитителем царем Пором или безымянным царем);
- 3) кипрскую (с похитителем кипрским царем).¹²

В дальнейшем М. Н. Сперанский, обращаясь к сказаниям об увозе Соломоновой жены, выделял те же три группы текстов, обозначая первую и вторую группы как «Китоврасовскую» и «Поровскую», а третью — как «Кипрскую».¹³

⁵ См., например: С. И. Минц. Черты индивидуального и традиционного творчества в сказках о царе Соломоне. — *Художественный фольклор*, вып. IV—V, М., 1929, стр. 107—112; С. Ф. Елеонский. Повесть о царе Соломоне в фольклорной обработке XVIII века. — *ТОДРЛ*, т. XIV, М.—Л., 1958, стр. 444—448.

⁶ См.: Я. С. Лурье. 1) Переводная беллетристика XIV—XV вв. — В кн.: *Истоки русской беллетристики*. Л., 1970, стр. 321—322, 327—331; 2) Черты Возрождения в русской культуре XV—XVI вв. — В кн.: *Феодальная Россия во всемирноисторическом процессе*. М., 1972, стр. 159—160.

⁷ Например: Н. К. Гудзий. Новые редакции повести о папе Григории. — *ТОДРЛ*, т. XV, М.—Л., 1958, стр. 179; О. А. Белоброва. Кипрский цикл в древнерусской литературе. Л., 1972, стр. 27.

⁸ Ya. S. Lur'e. Une légende inconnue de Salomon et Kitovras dans un manuscrit du XV-e siècle. — *Revue des études slaves*, t. 43, f. 1—4, Paris, 1964, pp. 7—11.

⁹ Веселовский. Новые данные, стр. 95.

¹⁰ С. Ф. Елеонский. Повесть о царе Соломоне в фольклорной обработке XVIII века, стр. 444.

¹¹ «Неполной» редакцией А. Н. Веселовский назвал редакцию сказания об увозе Соломоновой жены Китоврасом, так как при делении на редакции исследователю был известен список, где не хватало эпизода, рассказывающего об увозе жены Соломона.

¹² Веселовский. Новые данные, стр. 88—89.

¹³ М. Н. Сперанский. Заметки о рукописях Белградских и Софийской библиотек. — *Известия Историко-филологического института в Нежине*, т. XVI, 1898, стр. 61.

Принимая эту классификацию, мы также условно называем эти три различных текста об увозе Соломоновой жены «Китоврасовской» повестью, «Кипрской» и «Поровской».

Прежде чем перейти к анализу взаимоотношений всех трех повестей об увозе Соломоновой жены, считаем целесообразным дать перечень известных в настоящее время списков,¹⁴ так как существующие библиографии В. П. Адрианова-Перетц—В. Ф. Покровской и А. А. Назаревского¹⁵ не дают исчерпывающих сведений: все повести «Соломонова» цикла перечисляются здесь подряд, без деления на различные группы, отдельные произведения или редакции; не всегда указываются листы, на которых находятся повести в рукописях, обе библиографии не учитывают новых поступлений за последние 20 лет.

Перейдем к характеристике каждой повести.

«Китоврасовская» повесть представлена 6 списками.

1. ГПБ, собр. Толстого, О.ХVII.22, XVII в., лл. 739 об. — 744 об. (далее — *T*₂₂). Список издан А. Н. Пыпиным в: Памятники старинной русской литературы, вып. III. СПб., 1862, стр. 59—60; Ф. И. Буслаевым в: Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков. М., 1861, стр. 718—721.

2. ИРЛИ, собр. ИМЛИ, № 7, XVII в., лл. 96—105 (далее — *И*₇).

3. ГПБ, собр. Титова, № 1445 (охр. каталог), XVIII в., лл. 1 об. — 4 (далее — *T*₁₄₄₅).

4. ИРЛИ, колл. Перетца, № 240, XVIII в., лл. 160—164 (далее — *П*₂₄₀).

5. ГИМ, собр. Щукина, № 252, XVIII в., лл. 1—2 (далее — *Щ*₂₅₂). В настоящее время рукопись в собрании П. И. Щукина в ГИМе не обнаружена. Текст издан А. И. Яцимирским в: ИОРЯС, т. XI, кн. 2, 1906, стр. 304—308.

6. Библиотека Саратовского государственного университета, собр. рукописей № 390 (Шл. 19 и 41), XVIII в., лл. 189 об. — 193¹⁶ (текст списка остался нам неизвестен).

Когда появилось сказание об увозе Соломоновой жены Китоврасом на Русь?

Для А. Н. Веселовского было несомненным, что повесть об увозе Соломоновой жены Китоврасом — самый ранний вариант сюжета на русской почве (повесть с похитителем царем Пором он связывал с поздним западным влиянием¹⁷).

Исследователь обратил внимание на изображение Китовраса на Васильевских вратах Софийского собора:¹⁸ здесь на переднем плане дана исполинская фигура Китовраса, держащего в одной руке небольшую фи-

¹⁴ Перечень сопровождаем указанием на имеющиеся издания списков.

¹⁵ См.: В. П. Адрианова-Перетц, В. Ф. Покровская, Библиография древнерусской повести. М.—Л., 1940, стр. 107—113; А. А. Назаревский, Библиография древнерусской повести. М.—Л., 1955, стр. 144—147.

¹⁶ См.: В. Н. Перетц, Описание собраний рукописей проф. И. А. Шляпкина, принесенного в дар владельцем Саратовскому государственному университету. — Археологический ежегодник за 1959 год, т. 3, М., 1960, стр. 426 (список указан Н. С. Демковой).

¹⁷ Веселовский, Славянские сказания, стр. 230.

¹⁸ О создании Васильевских врат Софийского собора в Новгородской I летописи записано под 6844 (1336) г.: «...архиепископ Василий у святей Софии двери медяны золочены устроил». Изучение иконографического состава пластин на Васильевских вратах показало, что основная масса пластин (в том числе и пластины с изображением Соломона и Китовраса) изготовлена при архиепископе Василии в те же годы. Об этом см.: В. Н. Лазарев, Русская средневековая живопись. М., 1970, стр. 179—215.

гурку в зубчатой короне — очевидно, это и есть Соломон, которого Китоврас собирается закинуть на конец земли обетованной (эпизод из известного апокрифа о Соломоне и Китоврасе¹⁹).

А. Н. Веселовский сопоставил изображение на Васильевских вратах с надписью к этому изображению: «Китоврас меце братом своим на обетованную землю зр[. . .]». Под братом здесь подразумевается Соломон, но таковым он является только в притче о похищении Соломоновой жены Китоврасом. Притча начинается так: «Бысть во граде Иерусалиме царь Соломон, а во граде Лукорье царствую царь Китоврас. Обычай же той имея царь во дни царствует над людьми, а в нощи обращаешя зверем Китоврасом и царствует над зверми, а по ро [д] ству брат царю Соломону» (*Гл* 22, л. 739 об.). Этот факт дал право А. Н. Веселовскому предположить существование сказания об увозе Соломоновой жены еще в XIV в.²⁰

Я. С. Лурье обнаружил в Ефросиновском сборнике XV в. (ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 11/1088, лл. 272 об. — 273) небольшой текст под названием «О Китоврасе от Палея» (помещенный вне Палея), до этого неизвестный научной литературе,²¹ представляющий как бы очень сокращенный палейный рассказ; здесь также говорится о поимке Соломоном Китовраса, но в этом варианте текста Соломон действовал уже с помощью нового персонажа — жены Китовраса, которую тот прятал в своем ухе. Заканчивается рассказ любопытной фразой: «Глаголют его, яко царев сын Давидов». Китоврас здесь является сыном царя Давида, следовательно, братом Соломона. Значит, братом Соломона Китоврас был не только в притче об увозе Соломоновой жены.

Таким образом, источником изображения Китовраса на Васильевских вратах могла быть и Палея, т. е. предположение А. Н. Веселовского о бытовании в XIV в. сказания об увозе Соломоновой жены, основанное на этом изображении, лишается своего обоснования.

Единственный факт, который не вызывает сомнений, — это существование цикла сказаний о Соломоне и Китоврасе задолго до XVII в. в древнерусской литературе.²² Этот факт подтверждается южнославянским индексом XIV в. (Погодинский индекс), запрещающим «О Соломоне и Китоврасе басни и кощюны».²³ Изучение списков сказаний обнаруживает реальное подтверждение этого запрета, на которое до сих пор не обращалось внимания. В Палее Кирилло-Белозерского собр., № 68/1145 (XVI в.), после палейного повествования вырезана большая часть л. 366 (около 4/5 листа). Срез идет по строке с началом Сказания о Соломоне и Китоврасе. Следующий за л. 366 лист вырезан полностью, сохранилась только часть его у корешка. Пагинация конца XIX в. этот лист не отмечает. На л. 367 конец сказания начинается со слов: «...рина со строки своими

¹⁹ Далее этот рассказ будем называть палейным, так как он обычно читается в палеях.

²⁰ Веселовский. Славянские сказания, стр. 223—224.

²¹ См. выше, сноску 8. См. также: Я. С. Лурье. 1) Литературная деятельность Ефросина. — ТОДРЛ, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 158—159; 2) Оригинальная беллетристика XV в. — В кн.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970, стр. 331.

²² Сейчас нам известны три рассказа, связанные с именем Соломона и Китовраса:

1) палейный рассказ (списки XV—XVIII вв.);

2) рассказ о двуглавом муже, оставленном Соломону Китоврасом (списки XV—XVIII вв.); текст издан А. Н. Пыпиным в: Памятники старинной русской литературы, вып. III, СПб., 1862;

3) рассказ «О Китоврасе от Палея», найденный Я. С. Лурье (список XV в.).

²³ См.: Н. С. Тихонравов. Памятники отреченной литературы. СПб., 1863, Введение, стр. III.

по наказанию Китоврасову ко гнезду». В Погодинской палее, № 1435 (XVI в.), вырезан лист, следующий за л. 334, сохранилась часть листа у корешка, где обнаружены две буквы: *ѣ* и *и*, писанные тем же почерком, что и основной текст Палея. Пагинация А. Ф. Бычкова и более ранняя не отмечают вырезанного листа. В конце л. 334 начало сказания: «О Китоврасе. Тогда ж бысть потреба Соломону вопросити о Китоврасе. Осочиша ж и где живет в пу...»; на л. 335 конец сказания начинается словами: «... тако: И рече царь: „Почто мужа пиана възведе на путь“».

Как уничтожались иные «басни и кощюны» о Соломоне и Китоврасе — неизвестно. Но несомненно одно: точных известий о раннем существовании на Руси повести об увозе Соломоновой жены Китоврасом нет. На основании имеющегося материала ничего определенного о времени создания повести сказать невозможно. По-видимому, нужно четко различать два момента:

1) возможность существования сюжета в более раннюю эпоху в устной традиции;

2) существование конкретного текста в рукописях XVII—XVIII вв.

Характер повествования рассказа о Китоврасе, записанного Ефросином, позволяет предполагать устное его бытование. Повесть об увозе Соломоновой жены Китоврасом также тяготеет к поэтике устного народного творчества, обнаруживая большое сходство со сказкой.

Персонажи повести очень близки сказочным персонажам. Герой повести — премудрый царь Соломон; мудрость — качество, которым часто наделяются герои сказок бытовых и волшебных (напомним сказки о Василисе Премудрой, девке-семилетке и др.). Кроме того, герой в волшебной сказке, как известно, «снабжается волшебным средством и пользуется или обслуживается им».²⁴

Правда, Соломон в повести «не снабжается волшебным средством», которое помогло бы ему одержать победу, но волшебной силой обладает противник Соломона. В качестве «антагониста его» или «вредителя»²⁵ выступает царь Китоврас, необыкновенное существо: днем он человек и царствует над людьми, а ночью превращается в зверя и царствует над зверями. Помощник у царя Китовраса — волхв, волшебник, который может «помрачить всех людей», внезапно напустить сон.

Самый стиль повести — сказочный, отличающийся предельной насыщенностью повествования; каждая фраза в повести — это сюжетный поворот. В повести встречаются и этикетные описания, характерные для русского фольклора, например встреча гостя «по чину».²⁶

И рече Соломон гостю тому: «Будь ко мне заутро обедати». Волхв же той ударил челом и отыде на корась свой радаяся. Во утрие же день прииде волхв той ко царю Соломону обедати, царь же повелед посадить его в чинем месте и дал ему великую честь» (*Т*₁₄₄₅, л. 2).

Все это позволяет предположить, что повесть могла существовать вначале в форме устного сказания, сказки и только впоследствии была записана как литературное произведение. Когда были осуществлены ее запись и литературное оформление — остается неясным. Возможно, это произошло в XV в., когда широко начинают записываться сюжеты, заим-

²⁴ В. Я. Пропп. Морфология сказки. М., 1969, стр. 48.

²⁵ Там же. Термин В. Я. Проппа.

²⁶ Встречающийся в былинах мотив приглашения гостя на пир отразился, например, в былине «Илья Муромец и голи кабацкие»: Илья Муромец. М., 1958, стр. 254 (серия «Литературные памятники»).

ствованные из фольклора.²⁷ Но мы, к сожалению, имеем тексты повести только XVII в. Отсутствие дополнительных датирующих материалов позволяет с равной степенью вероятности отнести создание повести и к XVII в. Для XVII в. обработка сюжета, бытовавшего в устной форме, не является чем-то необычным. Подобную судьбу имеет ряд повестей, представляющих собой обработку популярных сказочных сюжетов мирового фольклора. К ним можно отнести «Повесть о Еруслане Лазаревиче», новеллу об Александре и Лодвике, выделившуюся из «Истории о семи мудрецах» и усвоенную устным путем, «Повесть о Шемякином суде».²⁸ К тому же повесть об увозе Соломоновой жены Китоврасом (не сюжет, а литературное оформление его) не обнаруживает черт, которые позволили бы отнести ее создание к более раннему времени.

Именно XVII век — одна из интереснейших эпох русской жизни вообще — становится веком бурного развития сюжетов в русской литературе, и в частности сюжетов, заимствованных из фольклора. Это время, когда литература становится «массовой».²⁹

«Кипрская» повесть об увозе Соломоновой жены представлена 12 списками, обнаруживающими ее широкое распространение среди южных и восточных славян: 3 самых древних списка — южнославянские, среди других 9 списков один белорусский и один украинский.

1. Белградская Народная библиотека, № 104, XIV—XV вв., лл. 62—64 (далее — *B*₁₀₄). Список сербский, текст издан М. Н. Сперанским в «Известиях Историко-филологического института» в Нежине (т. XVI, 1898, стр. 67—73).

2. Софийская библиотека, № 80, XVI, лл. 38—45 об. (далее — *C*₈₀). Список болгарский, издан там же.³⁰

3. БАН, 13.4.10, XVI в., лл. 38 об. — 46 об. (далее — *A*κ). Список болгарский.

4. ГПБ, собр. Погодина, № 1606, XVII в., лл. 238—241 (далее — *П*₁₆₀₆). Текст издан А. Н. Веселовским в «Записках Академии наук» (т. 40, Приложение № 4, СПб., 1881, стр. 143—147).

5. ГБЛ, собр. Большакова, № 23, XVII в., лл. 18, 331—333 (далее — *B*₂₃). Список белорусский.

6. ГПБ, О.ХVII. 169, XVII в., лл. 242—248 (далее — *П*_{б169}).

7. ГПБ, О.ХVII. 213, XVII в., лл. 302—308 (далее — *П*_{б213}).

8. ГИМ, собр. Барсова, № 2406, XVII в., лл. 50—60 (далее — *Бр*₂₄₀₆).

9. ИРЛИ, колл. Перетца, № 126, XVII в., лл. 75—78 (далее — *П*₁₂₆).

Список украинский.

10. ЦГАДА, ф. 381, № 394, XVII в., лл. 28 об. — 32 (далее — *Ц*).

11. ГИМ, Музейское собр., № 3123, XVIII в., лл. 92—96 об. (далее — *М*₃₁₂₃).

²⁷ На фольклорной основе создаются «Повесть о купце Дмитрие Басарге», «Повесть о воеводе Дракуле», «Повесть о Петре и Февронии» и др. См. об этом: Истоки русской беллетристики. Л., 1970, стр. 252, 374.

²⁸ Об устном происхождении сюжетов этих повестей см.: История русской литературы, т. II, ч. 2. М.—Л., 1948, стр. 111—113, 196—198; Русская повесть XVII века. Л., 1954, стр. 445—448; Русская демократическая сатира XVII века. М.—Л., 1954, стр. 225—227.

²⁹ Здесь мы имеем в виду термин П. Н. Беркова. Под определением «массовой» литературы понимается, «во-первых, литература, читавшаяся в демократических слоях общества и из них во многих случаях выходившая, и, во-вторых, дошедшая до нас в рукописном виде». См.: П. Н. Берков. К вопросу об изучении массовой литературы XVIII века.—Известия АН СССР (отделение общественных наук), № 3, М.—Л., 1936, стр. 469.

³⁰ Тексты списков *B*₁₀₄ и *C*₈₀, оказавшиеся для нас недоступными в рукописи, привлекаются нами по изданию М. Н. Сперанского.

12. ГПБ, собр. Погодина, № 1695, XVII в., лл. 280—287 об. (далее — *П*₁₆₉₅). Список указан О. А. Белобровой в кн.: Кипрский цикл в древнерусской литературе. Л., 1972, стр. 27.

Текстологический анализ всех списков «Кипрской» повести позволяет предположить ее южнославянское происхождение. Доказательством в пользу этого предположения является не только то, что южнославянские списки более древние, чем русские (один из них конца XIV—начала XV в., два — XVI в., к тому же русские списки, как украинский и белорусский, обнаруживают необыкновенную близость к ранним южнославянским спискам, но и то, что в них лучше сохранилось иносказание царя Соломона — его своеобразная загадка, загаданная кипрскому царю.

Когда Соломона везут на казнь, он смотрит на вращающиеся колеса повозки и, смеясь, говорит кипрскому царю, который едет вслед за ним смотреть на казнь: «Чюждуся, где коло на коло восьседа, а абое у кала». ³¹ Когда же Соломон казнит кипрского царя, он повторяет эти слова (так во всех трех южнославянских списках). В этом иносказании содержится намек на поворот судьбы: не Соломона ждет казнь, а царя кипрского. В южнославянских текстах иносказание двупланово, в этом убедиться нам помогает сербская сказка об увозе Соломоновой жены, записанная В. Караджичем. ³² Сказка называется: «Една гобела у као, а друга из кала». Это те самые слова, которые в этой же ситуации говорит Соломон царю, везущему его на казнь. Смысл иносказания проясняется: одна часть колеса погружается в грязь, а другая выходит из нее. Иносказание говорит о превратности судьбы. («Коло» здесь употреблено в переносном смысле — это «колесо судьбы», которое, вращаясь, может повергнуть «в грязь» то одного, то другого).

Вероятно, этот же смысл имели и слова в повести: «Коло на коло восседа, а абое у кала».

В русских текстах «Кипрской» повести этот смысл был утерян или не понят, иносказание переделывалось или даже опускалось, иногда в текстах оставался только переносный смысл. Так, в *М*₃₁₂₃, когда кипрский царь спрашивает Соломона, над чем он смеется, Соломон отвечает: «Не на смерть мене ведешь, а на живот, аз тому удивляюся».

В списке *П*₁₆₉ иносказание разъясняется; Соломон говорит кипрскому царю: «Того ради смеялся, что коло на коло идет — ты сам на смерть приехал».

В списках *Б*₂₃ и *П*₁₂₆ иносказанию Соломона придается другой смысл: «Дивлюся, как коло на коло идет, одно другого не догонит, и твой разум моей мысли не догонит».

В списке *Ц* иносказание переделывается так: «Передние колеса-те меньше, а задние больше, большие малых гонят, а догнать не могут. Передние-те колеса лошадь везет, а задние-те колеса — кто их везет и куда они бегут?».

Теперь перейдем к сравнению «Кипрской» повести с «Китоврасовской» и отметим те черты, которые позволяют нам рассматривать эти тексты как самостоятельные произведения.

Первое, что обращает на себя внимание в «Китоврасовской» повести по сравнению с «Кипрской», — это, как мы уже отмечали выше, необычайная близость к сказке; сказочный тон повествования, необычные герои, напоминающие сказочных: соперник Соломона, — оборотень, некий

³¹ Так в списке XVI в. *С*₈₀; в двух других южнославянских текстах: «Чюждуся, где около на коло восьседа».

³² Српске народne приповijetke. У Бечу, 1853, стр. 196—198.

царь Китоврас, похититель жены Соломона, — волхв. Царь Соломон в этой повести — безупречный положительный герой. Он никому не приносил зла, поэтому похищение его жены нельзя рассматривать как месть Соломону.

В «Кипрской» же повести рассказывается о похождениях Соломона до женитьбы, о нанесении многим царям обиды: Соломон, «...где слыша у другого царя лепу царицу, приходяше и лежаше с нею, царицею, и взимаху перстень. И егда отхождаху в землю свою и пуцаше ко царю той, поведаше зная. И всем царем тако творяше». ³³ Это дополнение в «Кипрской» повести носит характер внутренней мотивировки увоза Соломоновой жены. Но похищение жены Соломона мотивируется здесь не возмездием за прежние прегрешения царя Соломона, а красотой его жены, женским коварством: царь Давид советует Соломону не искать жены «всего света лепейше», так как «жена красна — престол есть сатанин».

В «Кипрской» повести здесь и далее чувствуется рука и умонастрое-ние средневекового книжника, обратившегося к обработке сюжета о царе Соломоне и увозе его царицы, — обычное для христианского средневековья представление о «злой жене».

Соломон не послушал мудрого совета отца и выбрал себе жену «всего света краше». Давид, увидев сноху, вновь предупреждает Соломона, что «сия лепота много соблазна сотворит». И предсказания царя Давида вскоре сбываются: «Слышав же царь кипрский, — говорится в повести, — яко поял еси себе Соломон жену вельми красну и лепу, и рече вельможам своим: „Аще бы мне кто сотворил тако, шед во Иерусалим, да взял бы мне жену Соломонову, понял бы себе царицу“».

В «Китоврасовской» повести мотивировкой похищения Соломоновой жены выступает страсть Китовраса: «Сведа царь Китоврас, что у Соломона жена прекрасна, и вражбим советом разъярись Китоврасово сердце, хотя у себя видети Соломонову жену». ³⁴

Тема женского коварства занимает главное место в «Кипрской» повести. Когда «посланник» кипрского царя говорит жене Соломона, что у его государя нет царицы, она тотчас осведомляется: «Да хочет ли мене ваш царь взяти?» — и, получив утвердительный ответ, помогает «посланнику» выкрасть ее.

В «Китоврасовской» повести этот мотив «злой» жены смягчен: похищение царицы происходит без ее согласия, посланный Китоврасом волхв «...пирова у царя, помрачил его и вся лудя его, и поиде во царевы полаты, и напустих на жену его сон велик... и взя жену его на руки понесе ея в корабль... и скоро отиде от Ерасулима во страну свою... Наутро пробудися царица в корабли: „С нощи что я была у царя Соломона во своая спалне, а тепериче на дне в корабли“. И нача плакати велми горко».

Сопоставляя сюжет «Кипрской» повести с «Китоврасовской», мы обнаруживаем ряд значительных отличий.

«Китоврасовская» повесть не знает ряда эпизодов «Кипрской».

1. Нет эпизода с посылкой слуги Соломона в царство похитителя. (В «Кипрской» повести Соломон, узнав, что его жена на Кипре, посылает туда своего посла, чтобы убедиться в точности известия; в «Китоврасовской» же Соломон сам отправляется к царю Китоврасу).

³³ Здесь и далее «Кипрская» повесть цитируется по русскому списку — *Пб* I-213.

³⁴ Здесь и далее «Китоврасовская» повесть цитируется по списку *Т7*1445.

2. Ничего не говорится в «Китоврасовской» повести о царе Давиде. (В «Кипрской» повести Давид принимает участие в женитьбе Соломона: Соломон выбирает себе жену по повелению отца).

3. «Китоврасовская» повесть ничего не сообщает о «похождениях» Соломона до женитьбы.

4. В ней отсутствует иносказание, в котором Соломон предвещает своему противнику казнь.

Ряд эпизодов, общих с «Китоврасовской» повестью, обработан в «Кипрской» по-своему. В «Кипрской» повести царица узнает Соломона в страннике, который проходит мимо ее дворца, и призывает его к себе; в «Китоврасовской» же о присутствии Соломона царица догадывается по своему обручальному кольцу, которое видит у служанки (Соломон дарит колечко служанке за позволение напиться из «царского кубца»). В «Китоврасовской» повести оформление мотива узнавания эпическое,³⁵ оно как бы продолжает тему невинности жены Соломона — похищение свершилось против ее воли.

Отличается от «Кипрской» повести конец «Китоврасовской». В «Кипрской» Соломон казнит царя и царицу (он велит царю «кровь из всех жил пустить», а царицу «связа фариам за нозе растерзать»); похититель Соломоновой жены — Исполин — забыт здесь. В «Китоврасовской» повести Соломон приказывает повесить царя Китовраса, царицу и волхва-похитителя.

Как мы видим, признаки, отличающие «Китоврасовскую» повесть от «Кипрской», касаются не только сюжета произведения, но и основных мотивов повествования, характеристик персонажей. Все это позволяет рассматривать эти тексты как два самостоятельных произведения на один и тот же легендарный сюжет.

Обратимся далее к «Поровской» повести.

Разнообразие текстов повести настолько велико, настолько индивидуальны и своеобразны чтения отдельных списков и стилистическая правка отдельных эпизодов, что очень трудно выявить в этом разнообразном и пестром текстовом материале точные генеалогические связи, установить строгую текстологическую стемму.

При анализе списков повести создается впечатление, что текст повести сильно искажался (из-за утраты тех или иных отрывков), контаминировался с текстами других списков той же самой и других повестей с сюжетом об увозе Соломоновой жены («Китоврасовской» и «Кипрской»), возможно, находился под влиянием устных «басен» о царе Соломоне и Китоврасе и творчески обрабатывался в пору бурного развития русской беллетристики XVII—начала XVIII в.

Поэтому при анализе текстов повести внимание будет уделяться в основном характеристике сюжета отдельных групп списков и их изменениям.

Текстологический анализ позволяет разделить списки «Поровской» повести на две группы.

Условно назовем одну из них изводом А, другую — изводом Б.

Извод А представлен 6 списками.

1. ГБЛ, собр. Румянцева, № 363, XVII в., лл. 418—438 (далее — P₃₆₃). Текст издан А. Н. Пыпиным в: Памятники старинной русской литературы, вып. III. СПб., 1862, стр. 63—70.

2. ГБЛ, собр. Ундольского, № 632, XVII в., лл. 143—164 (далее — У₆₃₂).

³⁵ Подробно об эпическом оформлении мотива узнавания см. в статье: Веселовский. Новые данные, стр. 79—80.

3. ГПБ, О.ХVII. 213, ХVII в., лл. 371—374 об. (далее — *Пб_{II-213}*). Список привлекается к исследованию впервые.

4. Рукопись Е. Д. Филимонова, ХVIII в. Местонахождение неизвестно. Текст издан Н. С. Тихонравовым в: *Летописи русской литературы и древности*, т. IV. М., 1862, стр. 113—121 (далее — *Ф*).

5. ГПБ, собр. Титова, № 483, ХVIII в., лл. 55 об. — 71 об. (далее — *T₄₈₃*).

6. ГПБ, 1919.Ф.57, ХIX в., лл. 23—37 (далее — *Пб₁₉₁₉*).

Извод *Б* представлен 7 списками.

1. ГПБ, собр. Погодина, № 1603, ХVIII в., лл. 219 об. — 281 об. (далее — *П₁₆₀₃*).

2. ГПБ, О.ХVII. 138, ХVIII в., лл. 88—110 (далее — *Пб₁₃₈*).

3. ГБЛ, Музейное собр., № 4667, ХVIII в., лл. 287—313 об. (далее — *М₄₆₆₇*). Список указан Л. В. Тигановой.

4. ГИМ, собр. Барсова, № 2489, ХVIII в., лл. 1—42 (далее — *Бр₂₄₈₉*).

5. ГПБ, О.І.1437, ХVIII в., лл. 24—46 (далее — *Пб₁₄₃₇*). Список привлекается к изучению впервые.

6. ГПБ, собр. Титова, № 2417, ХVIII в., лл. 1—32 об. (далее — *T₂₄₁₇*).

7. ГИМ, собр. Соколова, № 15, ХVIII в., лл. 105 об. — 167 (далее — *С₁₅*).

Сюжет извода *Б* (во всех списках) по сравнению с *А* имеет ряд значительных отличий.

1. В списках извода *А* говорится, что царь Соломон женился по повелению отца своего «на прекрасной и мудрой царице». В списках же извода *Б* Соломон женился по повелению отца на дочери царьградского царя Вотоломона Соломониде.

2. В списках *А* ничего не говорится о «преставлении» царя Давида и Вирсавии. В списках извода *Б* подробно рассказывается об их смерти и о завоеваниях царя Соломона: «И потом поживе царь Давид недолгое время и преставился во блаженное уснение и в вечной покой и с царицею своею Вирсавиею. Царь Соломон велми плакался по отце и по матери. И погребе их честно по царскому чину. И потом после отца своего царя Давида царь Соломон покори под себя мудростию своею многия царства и все окрестные земли. И римское сильное царство овладе».³⁶

Этого описания побед Соломона нет ни в одном списке извода *А*.

3. Начало послания Соломона к царю Пору в списках извода *Б* почти полностью совпадает с началом послания Александра Македонского к царю Пору в «Александрии». *Б*: «Великий и премудрый царь Соломон израительский индийскому царю Пору, радоваться»; «Александрия»: «Александр царь, над цари царь, не своей силой, а по воле бога, великому Пору, индийскому царю, радоваться».³⁷

Описание побед Соломона и ряд других эпизодов, рассматриваемых ниже, свидетельствуют о начитанности составителя текста этого извода. Редактор целенаправленно ведет обработку текста, ориентируясь на традиции известного ему книжного повествования. Он вставляет в текст все, что ему известно о героях повести из других источников. Так, знакомство с «Голубиной книгой» позволяет ему уточнить, на ком женится царь

³⁶ Здесь и далее тексты цитируются по спискам *P₃₆₃* (для извода *А*) и *П₁₆₀₃* (для извода *Б*). Списки эти выбраны как наиболее характерные для данных изводов.

³⁷ Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века. М.—Л., 1965, стр. 48.

Соломон. В «Голубиной книге» царь Давид толкует сон царя Волонто-мана так:

В твоём ли было зеленом саду
Вырастало дерево сахарное:
У твоей царицы благоверныя
Народится дочь Саламидия.
Издальца из чиста поля
Прилетела пташечка-малешечка,

Садилась на деревцо сахарное,
Распущала перья до сырой земли —
Как моя царица благоверная
Родит сына Соломона.
А этому сыну моему
На твоей дочери женату быть.³⁸

4. В текстах *Б* отсутствует эпизод поисков Соломоном своей жены, отсутствует мотив его «оборотничества». В текстах *А* рассказывается об этом так: «... и полете Соломон под небеса ясным соколом, и не обшел ее под небесным облаком, но пошел по земле лютым зверем, и не обтече нигде, и поплывет в море щукою, и в море не нашел, и бысть Соломон в велицей печали».

5. В списках извода *Б* иначе излагается эпизод похищения царицы. В списках извода *А* говорится:

И пришел посланник царев Поров ко гробнице, ажно стражи стерегут крепко. И посланник пустил на сторожей сон мертвой, и поснули сторожи. И посланник царев Поров вынял гробницу с царицею и принес на корабль.

В списках извода *Б*:

И посланный слуга княженецкий нача думати, как бы царицу украсти из гроба и сторожей примирить, и выдумав. И нача стражей от гроба к себе в корабль призывати, и честь им вели воздавати, и с ними дружитися вельми. И нача на корабле стражей дарити и брататися и сыновство творити, аще кто стар, того отцом называти, аще кто млад, того братом называти. И были у того гроба царицыни три стражи. И в третью ночь позва слуга княженецкой тех стражей к себе на корабль. И быста радость велия на корабле. Пиша всю ночь стражи, и потом с корабля сидоша и поидоша к царицыну гробу. Пьяни быши и уснуши крепким сном. И слуга княженецкой, видя, что стражи уснуша, повеле людям своим царицу из земли украсти и принести на корабль.

Отсутствие в *Б* эпизодов, связанных с фольклорной традицией («оборотничество», «волхование» — «напустил сон»), указывает на стремление редактора повести сделать рассказ более «правдоподобным», заменить сказочные мотивы и обстоятельства более «реалистическими».

6. Извод *Б* характеризуется не только дополнительным распространением текста: есть здесь и сокращения, которые могут быть объяснены задачами художественной переработки повести. Задачами художественной переработки, например, может быть объяснено отсутствие в *Б* сюжетного повтора — эпизода, повествующего о том, как посланник Соломона отправляется в царство Пора. В *А* в этом эпизоде зеркально повторяется первоначальная ситуация, когда посланник шел от Пора к Соломону. Отметим, что этот эпизод в *А* только задерживает развитие повествования и не нужен для развития сюжета: стражи уже сообщили Соломону, что его жена украдена «гостем» из царства Пора и Соломон получил от Пора послание, из которого узнал, что жена находится у него.

Но этот «лишний» в сюжетном отношении эпизод текста *А*, по-видимому, был в архетипе «Поровской» повести. Утверждать это позволяет наличие сходного эпизода в «Кипрской» повести, где царь Соломон по-

³⁸ П. А. Безсонов. Калекы переходжие, вып. II. М., 1861, стр. 298—299.

слал слугу в царство похитителя проверить, его ли жена теперь стала кипрской царицей.

7. Новым по сравнению с изводом *A* в тексте *B* является мотив переодевания войска в купеческое платье. Сравним.

В изводе *A*:

И царь Соломон учал рать копить, и собрал войска своего 35 тысящ, и пошел на царя Пору многою силою, и проиде многие царства, и приде к царю Пору в царство, и постави свои крепкие воеводы и силу близ царства Порова.

В изводе *B*:

Царь Соломон нача войско свое вскоре собирати, и корабли на море готовити, и сотвори на мори тридесять кораблей, и войска собра 30 тысящ. И повеле корабли нагрузити всяких товаров, и постави бояр своих во всех кораблях гостьми и купчинами. И повеле всякому кораблю разных градов языками глаголати и разными странами нарещися, всяких стран по языку и по нраву всякие земли. И повеле корабли одяети сукнами разными. И поеха царь Соломон по морю разным путем. И прииде царь Соломон во Индию богатую, под град со всех четырех сторон, корабли разнo постави. И нарекошася гостьми, будто что приехаши с товарами торговати».

8. В текстах *B* вводится сцена встречи Соломона с боярыней царицы и передача обручального колечка жене Соломона. Похожий эпизод (передача обручального кольца через прислужницу Соломоновой жены) встречался только в «Китоврасовской» повести. Ни «Кипрская» повесть, ни один список извода *A* не знают этого эпизода. Можно предположить знакомство редактора данного текста с широко распространенной в XVII—XVIII вв. «Китоврасовской» повестью и самостоятельное введение этого эпизода в текст «Поровской» повести.

9. В списках извода *B* есть и «загадка» — иносказание мудрого царя Соломона, едущего на казнь, — текст, отсутствующий в списках извода *A*.

10. Различно излагается эпизод казни царя Пора и Соломоновой жены: если в *A* Соломон велит отсечь голову царю и царице и «размыкать коньми» (эпизод напоминает текст «Кипрской» повести), то в *B* он вешает царя, царицу и похитителя — «княженецкого слугу» (как и в «Китоврасовской» повести).

Сопоставление текстов извода *B* и *A* показало, что извод *B*, сохраняя ряд общих чтений с *A*, обнаруживает множество целенаправленных творческих изменений общего текста источника.

1. С одной стороны, редактор, создавший текст извода *B*, стремится сделать его более стройным композиционно: сокращаются сюжетные повторы (эпизод с посланником), в конце повести при описании казни похитителя и Соломоновой царицы завершается тема трех «осилов» — всех трех виновников бед царя Соломона вешают (здесь, видимо, используется более законченный текст «Китоврасовской» повести).

2. В тексте извода *B* мы отмечаем последовательную замену сказочных эпизодов бытовыми (слуга Пора «напустил сон» на стражей, не прибегая ни к каким волшебным средствам: он опоил их «хмельным зелием», и стража уснула; нет и мотива «оборотничества» Соломона). Текст становится более «правдоподобным» и «реальным».

3. Редактор — несомненно начитанный книжник, он дополняет текст повести новыми сведениями, заимствованными из других литературных

источников (из «Голубиной книги», «Александрии», «Сказания об Индийском царстве», «Китоврасовской» повести).

Эти переделки повести в изводе *Б* (исключения из текста повести одних эпизодов, вставка других, распространение третьих, стилистическая правка) позволяют нам говорить об изводе *Б* как особой редакции повести. Поэтому далее извод *А* будем называть редакцией *А*, извод *Б* — редакцией *Б*.

Таким образом, текст «Поровской» повести сохранился в двух редакциях, что ранее никогда не отмечалось.

А. Н. Веселовский относил оба текста к одной редакции — «полной». Текст редакции *Б* никогда не издавался.³⁹

Для выяснения происхождения текста «Поровской» повести следует сопоставить ее с «Кипрской» и «Китоврасовской».

Сопоставление показало, что в основе текста обеих редакций «Поровской» повести лежит сюжет «Кипрской», причем лучше его сохраняет редакция *А*. Укажем наиболее существенные моменты совпадения их сюжета, попутно отмечая и существенные различия.⁴⁰

1. В «Поровской» повести женитьба Соломона совершается по повелению отца, как и в «Кипрской»; в «Китоврасовской» — этого мотива нет.

2. Соломон в «Поровской» повести посылает перстень царю Пору, в «Кипрской» повести Соломон рассылает перстни всем царям, жен которых он соблазнил (в «Китоврасовской» нет этого эпизода).

3. Однаково рассказывается в «Поровской» и «Кипрской» повестях о прельщении жены Соломона его соперником. Приведем для сравнения отрывки текста обеих повестей.

«Посланник»-похититель прельщает жену Соломона золотыми рукавичками (в «Поровской») или дорогой мантией (в «Кипрской»). Царица спрашивает «посланника»:

«Кипрская» повесть

«Поровская» повесть

«Да вашего царя царица какову руху носит?». Исполин же рече: «Госпоже царице, наш царь не имеет царицы, понеже не имать изобраз против красоты лица своего, аще изберег, уготовает ей полату со звездами, да играет в ней». Царица же рече втай: «Да хощет ли мене царь?».

«Есть ли у вашего царя царица?». И посланник рече: «Наш царь Пор пытается себе царицы, и место ей уготованно на ветреном обходе царствовать, и звезды на небе считати, и месяц переводит в нашем царстве». И рече царица Соломонова: «Аз иду за вашего царя Пору премудрого?».

В «Китоврасовской» повести этого эпизода нет.

4. Очень похож в «Поровской» повести и в «Кипрской» эпизод увоза Соломоновой жены. Если в «Китоврасовской» «посланник» «нагустил сон» и унес спящую царицу к себе на корабль, то в «Кипрской» и «Поровской» повестях посланник дает царице «забудущее» зелье и царица

³⁹ К тексту «Поровской» повести восходит несколько списков XVIII в., каждый из которых является особой редакцией. Похитителем Соломоновой жены здесь выступает то «некий царь», то «прекрасный наличный царь», или «Аполацкий король». В настоящее время определить текстологическую зависимость текстов этих списков от «Поровской» повести не удастся. Пока ограничимся указанием на эти списки: 1) Рукопись С. Б. XVII в. (местонахождение неизвестно). Текст издан Н. С. Тихонравовым в: *Летописи русской литературы и древностей*, т. IV. М., 1862, стр. 147—153; 2) БАН, 34.8.13, XVIII в., лл. 1—22; 3) ГПБ, собр. Титова, № 1533, XVIII в., лл. 1—17; 4) ГИМ, собр. Забелина, № 336, XVIII в., лл. 1—76. Текст издан Н. С. Тихонравовым в: *Летописи русской литературы*, т. IV. М., 1862, стр. 121—147.

⁴⁰ Здесь, как и выше, текст *А* рассматривается по списку *P*₃₆₃, *Б* — по *П*₁₆₀₃, а текст «Кипрской» повести — по списку *Аж*.

якобы умирает. Соломон проверяет, действительно ли жена его мертва: в «Кипрской» велит прожечь ладони, в редакции *А* «Поровской» повести велит проколоть гвоздем бедро; в редакции *Б* — эпизода проверки нет, по Соломон велит «обручи железными оковати гроб».

5. Соломон получает известие о месте пребывания его жены и отправляет посла узнать, действительно ли его царица там. В «Кипрской» повести это «разведывание» необходимо, так как Соломону неизвестно, кем похищена его жена, сообщение о том, что она в царстве кипрского царя, получил он от «некоего человека», поэтому должен убедиться, действительно ли его жена стала кипрской царицей. Соломон посылает «некоего человека» с рукавичками в Кипр. Рукавички необходимы посланнику, чтобы опознать жену Соломона (ведь у нее прожжены ладони).

В «Поровской» *А* этот эпизод, как уже отмечалось выше, оказывается «лишним» в сюжетном отношении. Стража уже сообщила Соломону, что его жена похищена индийским гостем, да еще он получает в подтверждение этого послание от индийского царя Пора, в котором тот сообщает, что жена Соломона находится у него, царя Пора. И все же посланник Соломона едет в Индию. Обращает на себя внимание в этом эпизоде одна интересная подробность. В списке *P*₃₆₃ (извод *А*) говорится, что слуга Соломона едет в царство Пора с венком и «рукавком». «Рукавок» — это не остаток ли от текста «Кипрской» повести? Ведь в «Поровской» повести это совершенно ненужная «подробность». В «Кипрской» рукавички необходимы: жену Соломона можно опознать по прожженным ладоням. В «Поровской» повести царица сама рассказывает посланнику, как она ушла от царя Соломона. И ладони ее не прожжены (чтобы убедиться, что царица мертва, Соломон велел проколоть гвоздем бедро). Но появление рукавичек в этом эпизоде нам кажется не случайным, оно указывает на источник текста «Поровской» повести.

В «Поровской» *Б* этого эпизода нет. Вероятно, он снимается редактором *Б* сознательно. В «Китоврасовской» вообще мотива «разведывания» нет.

8. Соломон с войском отправляется к царю-похитителю (так в «Кипрской» и в «Поровской» *А*, в *Б* — иначе: Соломон одевает войско («бояр») купцами и является с ним в Индийское царство).

9. Соломон оставляет войско близ града, сам же, одевшись в нищенское платье, идет к царскому дворцу (так в «Поровской» *А* и в «Кипрской», в *Б* — Соломон является купцом ко дворцу, и, увидев боярыню, просит передать кольцо царице. Отметим, что похожий эпизод — передача обручального кольца через служанку царицы — встречаем в «Китоврасовской» повести).

10. Царица узнает Соломона (в «Поровской» *А* и «Кипрской» она в страннике опознает своего первого мужа; в «Поровской» *Б*, увидев обручальное колечко, догадывается о приходе Соломона и велит слугам привести его к ней, так и в «Китоврасовской»).

11. Царица выдает Соломона похитителю и просит поскорее убить его (так в «Кипрской» и «Поровской» *Б*; в *А* и «Китоврасовской» — нет этой просьбы).

12. Царь-похититель предлагает Соломону различные казни (в «Кипрской» — голову мечом отсечь, в «Китоврасовской» — повесить, в «Поровской» *А* — отвести к «немилостивому пилату и голову мечом отсечь, размякать по улицам или красной смерти повешенной дать»; в «Поровской» *Б* — иная казнь).

13. Соломон просит повесить его (во всех повестях).

14. Соломона ведут на казнь, он предсказывает (иносказательно) казнь своему сопернику (в «Кипрской» и «Поровской» *Б* иносказание есть, а в *А* и «Китоврасовской» — нет).

15. По третьему сигналу рожка Соломоново войско является к нему (так во всех повестях).

16. Казнь царя Пора и царицы в *А* (кроме списков *T*₇₄₈₃ и *Φ*) напоминает «Кипрскую» повесть: в *А*: «...царь Соломон велит с обеих головы снять вострым мечом и раздернуть скоро». В «Кипрской»: «...царю Кипрскому пустил кровь изо всех жил, а царицу ссеза фариам за носе, растерзаху ю».

Казнь в *Б* сходна с эпизодом «Китоврасовской» повести. Соломон вешает царя-соперника, царицу и слугу-похитителя.

Итак, после сопоставления убеждаемся, что развитие сюжета Поровской повести очень близко к развитию сюжета «Кипрской». «Поровская» и «Кипрская» повести имеют ряд почти тождественных описаний: увоз жены Соломона, Соломон сам выбирает себе казнь, его жена в обеих повестях является предательницей (она сама выдает царю-похитителю Соломона) и др. Эти факты дают нам право предположить, что архетип «Повести об увозе Соломоновой жены царем Пором» происходил от «Повести об увозе Соломоновой жены кипрским царем»; причем следует заметить, что редакция *А* более близка к «Кипрской» повести, *Б* же дальше отстоит от нее. Множество изменений, отмеченных выше, в редакции *Б* вторичного происхождения, предположить наличие этих чтений в архетипе невозможно, так как ни одно из них не отразилось в редакции *А* и не сохранилось в «Кипрской» повести. Таким образом, мы предполагаем, что архетип редакции *А* был непосредственно связан с «Кипрской» повестью, и эту редакцию можно назвать первой редакцией, редакция *Б* генетически связана с редакцией *А* и является второй редакцией.

Остается неясным вопрос о том, как появилась в «Поровской» повести тема «трех осиллов», предназначенных для казни Соломона. Во всех списках обеих редакций «Поровской» повести (а следовательно, и в ее архетипе) царь Пор готовится «три осила» для казни Соломона, как и в «Китоврасовской» повести. Но если в «Китоврасовской» повести и в редакции *Б* в эти «осилы», приготовленные для Соломона, попадают все три его врага (Соломон вешает царя-соперника, свою жену-царицу и слугу-похитителя), то в редакции *А* «осилы» остаются без применения; Соломон казнит только царя и царицу, и притом другой казнью, напоминающей казнь в «Кипрской» повести: Соломон велит отсечь им головы мечом и «раздернуть». По-видимому, это различие текстов следует объяснить тем, что в редакции *А*, первоначальной редакции повести, описание казни создается под непосредственным влиянием ее источника — «Кипрской» повести, сообщение же о трех петлях, не имеющее значения в дальнейшем развитии повествования, может объясняться, с нашей точки зрения, влиянием на редакцию *А* «Китоврасовской» повести. Создатель редакции *Б* (второй редакции повести), более тщательно подошедший к обработке сюжета и, по-видимому, располагавший текстом *А* как исходным материалом для создания своего произведения, воспроизвел также и сюжетное решение темы казни по «Китоврасовской» повести: в «три осила», приготовленные для Соломона, попадают все три его противника.

Таким образом, мы можем говорить о двойном влиянии «Китоврасовской» повести на «Поровскую»: в начальной стадии создания текста — при создании первой редакции (редакции *А*), когда «Поровская» повесть

была наиболее близка «Кипрскому» прототипу, и на следующем этапе, когда начитанный книжник, по-видимому XVII в., заново обработал текст редакции А, находящийся в его распоряжении.

Сохраняя сюжетную основу «Кипрской» повести, сходные с ней описания, «Поровская» повесть в то же время имеет множество индивидуальных черт. (Мы имеем в виду черты, характерные для повести в целом, одинаково присущие и первой, и второй редакции, т. е. архетипные черты текста; напомним, что архетип «Поровской» повести — это архетип редакции А).

Что же нового мы находим в «Поровской» повести? Что позволяет нам выделять ее в самостоятельный текст?

1. Меняются имена героев: похититель здесь — княженецкий слуга; в «Кипрской» — Исполин; соперник Соломона — царь Пор, в «Кипрской» — кипрский царь.

2. Изменяются атрибуты действующих лиц: если Исполин в «Кипрской» повести ехал в царство Соломона прельстить царицу порфирию, «зело украшенною», то княженецкий слуга в «Поровской» едет с рукавичками.

3. Иначе мотивируется и увоз жены царя Соломона. Если кипрский царь похищает жену Соломона, прельстившись ее «необыкновенной красотой», то похищение Соломоновой жены Пором объясняется его мстью Соломону: Соломон, женившись, послал царю Пору обручальное кольцо жены Пора и следующее послание: «В прошлое лето был есмь в твоём царстве, и со царицею твоею пребыл, и перстень с правыя руки снял золотой любимый твой». Получив такой неожиданный подарок, царь Пор, расправившись с изменницей женой, посылает своего верного слугу «выкрасть» жену Соломона.

4. В «Поровской» повести очень заметна ориентация на фольклор. Как было отмечено ранее, здесь есть мотив «оборотничества». В повести используется пословицная речь: когда Соломон приходит к Пору и хочет забрать свою жену, он говорит: «Моя жена». А царь Пор говорит: «„То моя жена, только бы твоя была, ино бы у тебя была в царстве“. И царь рече Пор: „Мудрый ты еси, царю Соломоне, два мужа у одной жены не уживутся, а два медведя в одной берлоге не уживутся же“» (отметим, что в редакции В книжник намеренно снимает фольклорные моменты).

5. В «Поровской» повести более подробно разрабатываются многие эпизоды. В «Кипрской» повести наказ воинам звучит очень кратко: «Вы же около града почивайте, аще услышите трубу, скоро пригоните, до третьего потрубления да обрящетесь». В «Поровской» этот эпизод был намного пространнее: «И рече царь Соломон своим царем, и воеводам, и князем, и всей силе: „Стойте тут с силою, а меня цари и уланы, с сильныи и крепкие воеводы, отпустите меня ко царю Пору в царство: и увижу, и услышу своим оком и ухом; и вы, сильные воеводы, стойте и ждите троегласные трубы от меня к себе. Как буду жив в царстве том и труба вострубит, и вы борзо седлайте свои добрые коня; в другой час труба вострубит, и вы поспешайте на добрых своих конех, а в третей час труба вострубит, и как заслышите, и вы напущайте и секите, а милости не давайте, а будет троегласного гласа вы не услышите, и вы пойдите в свою землю, в мое царство, а меня не ждите: и в животе меня не будет и свое царство содержите, а меня поминайте».

Существенной особенностью «Поровской» повести является то, что она находится в составе большого литературного цикла о царе Соломоне: рассказ о похищении Соломоновой жены предваряется самостоятельной по-

вестью «О рождении и похищении царя Соломона».⁴¹ Важно отметить, что повесть эта, сопровождаемая «Повестью об увозе Соломоновой жены царем Пором» в редакции *Б* (во второй редакции), заметно отличается от той повести, которая находится в цикле с текстом редакции *А* (т. е. первой редакции), причем характер изменений полностью соответствует принципам переделки текста «Повести об увозе Соломоновой жены» в редакции *Б*.

Не исключена возможность, что перу создателя редакции *Б* принадлежит обратка всего цикла, созданного автором редакции *А*, но этот вопрос сейчас может быть только поставлен, он нуждается в дальнейшем исследовании.

* * *

Таким образом, изучение очень сложных взаимоотношений повестей цикла «Царь Соломон и похищение его жены» и всех их сохранившихся рукописных текстов убеждает в интенсивности литературной жизни этого сюжета на Руси и на славянском юге: наряду с очевидной линией развития сюжета — от «Кипрской» повести к «Поровской» — мы отмечаем многообразие пересечения текстов в различных списках:

1) вторичные влияния повестей друг на друга (несомненно влияние «Китоврасовской» повести на «Поровскую», особенно при создании редакции *Б*);

2) контаминации текстов (неожиданная замена эпизода казни в «Кипрской» повести или «Поровской» соответствующим эпизодом из «Китоврасовской». Это происходит в списке «Кипрской» повести *Br*₂₄₀₆ и списках редакции *А* «Поровской» повести *Ф* и *T*₇₄₃₃).

Исследование повести значительно усложняется многочисленными фольклорными наслоениями. Несомненно, что повести бытовали и в устной форме, о чем свидетельствуют некоторые записи сказок и былин о Соломоне.⁴² Списки *III*₂₅₂, *C*₁₅ вообще имеют характер записи устного рассказа.

Первичный, по-видимому эпический, сюжет похищения жены и борьбы за нее, имевший распространение в средневековой словесности разных народов,⁴³ затем приобретает книжное оформление, связывается с именем Соломона и получает книжную мотивировку для дальнейшего своего развития: похищение жены у него рассматривается как месть за его «похищения», а впоследствии вновь возвращается в устную стихию.

Рассматривая различные варианты обработок сюжета и текстов повести в русской письменности XVII—XVIII вв., можно составить представление о специфических чертах русских обработок сюжета мировой средневековой литературы.⁴⁴

⁴¹ Отметим, что Повесть о рождении царя Соломона существует и вне цикла. См., например: ГПБ, собр. Погодина, № 1612, лл. 154—155; ГБЛ, Музейное собр., № 607, лл. 613—617.

⁴² См.: Д. Н. Садовников. Сказки и предания Самарского края. СПб., 1884, стр. 206—211; Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. Пгр., 1915, стр. 203—206; А. М. Смирнов. Сборник великорусских сказок. Пгр., 1917, стр. 282—285; М. Драгоманов. Малорусские народные предания и рассказы. Киев, 1876, стр. 99—108; А. И. Худяков. Великорусские сказки, вып. II. М., 1861, стр. 133—138 (здесь рассказ об увозе Соломоновой жены помещается как продолжение сказки о детстве Соломона; заметим, что нам неизвестны сказки о похищении Соломоновой жены без первой части — детства Соломона. Былины же рассказывают только об увозе жены царя Соломона. См.: А. М. Астахова. Былины Севера. М.—Л., 1951, №№ 103, 112, 144 и др.).

⁴³ См. обзор средневековых сказаний о похищении жены героя в работе: Веселовский. Новые данные, стр. 78—88.

⁴⁴ Эта работа велась под руководством доцента ЛГУ Н. С. Демковой. Пользуясь случаем принести ей сердечную благодарность.